

1. Kuławik A. Konstanty Ildefons Gałczyński / A. Kuławik. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk : Ossolineum, 1977. – 42 s.
2. Stawar A. O Gałczyńskim / A. Stawar. – Warszawa, 1959. – 396 s.
3. Wyka M. Gałczyński a wzory literackie / M. Wyka. – Warszawa, 1970. – 169 s.

Моклиця А. Поэтика абсурдизма в повести К. И. Галчинского «Порфирион Оселек». В статье проанализированы методы и приемы формирования абсурдистского стиля повести К. Галчинского «Порфирион Оселек, или Клуб Святотатцев». Рассмотрены механизмы создания гротескного образа, способы эмоциональной и оценочной маркировки текста, специфику композиционной структуры. Доводится тезис, что абсурдизм Галчинского сформировался на основе экспрессионистического мироощущения. Большое количество иронии, сатиры, натуралистических и вульгарных образов, гротескных сцен позволяет автору сформировать модель абсурдного общества.

Ключевые слова: абсурдизм, гротеск, стиль, литература абсурда, художественный образ.

Moklytsya A. Poetics Absurdism in the Novel K. I. Galchinsky «Porphyriion Oselek». The article analyzes the methods and techniques of forming absurdist style tale K. Galchinsky «Porphyriion Oselek or Club Sacrilegious». Consider the mechanism of creating a grotesque image, how emotional and evaluative labeling text, the specifics of the composite structure. It is presented for the thesis that absurdism Galchinsky formed by expressionist attitude. Large amount of irony, satire, naturalistic images and vulgar, grotesque scenes allows the author to create a model of an absurd society.

Key words: absurdism, grotesque, style, literature absurd, artistic image.

Стаття надійшла до редколегії
17.01.2013 р.

УДК 82

Евгений Никольский

Изображение представителей польского народа у Всеволода Соловьева и Федора Достоевского

В статье рассмотрено авторское видение Всеволодом Соловьевым и Федором Достоевским польского народа. Особое внимание к рецепции иного славянского этноса обусловлено их польскими корнями. Оба писателя были потомками шляхетских фамилий, но обычно потомки шляхты сохраняют пиетет перед своей исторической родиной и католичеством. В случае с Ф. М. Достоевским и Вс. С. Соловьевым мы наблюдаем обратную картину: в их наследии поляки и католики получали стойкую отрицательную характеристику, причину которой, по мнению автора статьи, можно обнаружить в принятии обоими писателями имперских мифологем, а также в действии психоаналитического механизма проекции. При сравнении романов обоих авторов делается вывод, что Ф. М. Достоевский как классик, в отличие от беллетриста Вс. Соловьева, не проявлял сугубо однозначной отрицательной оценки польского народа.

Ключевые слова: классика, беллетристика, антизападничество, славянофильство, польский народ, католичество, имагология, имперские мифологемы, механизм проекции.

Постановка научной проблемы и её значение. Решение польского вопроса в России, как в политике, так и в литературе, имело чрезвычайно затяжной и нередко болезненный характер, приковывая внимание нескольких поколений госчиновников, идеологов, публицистов, литераторов. В первую очередь следует вспомнить «Бородинскую годовщину» А. С. Пушкина, открывшего польскую тему для массового русского читателя, хотя именно это стихотворение стоило ему дружбы с А. Мицкевичем. Как известно, поэт отозвался на события восстания 1830–1832 гг. известным стихотворением «Клеветникам России», где писал о «кичливом ляхе». С точки зрения русского православного сознания XVII–XIX вв., образ поляка складывался по-преимуществу как образ не столько этнического, сколько конфессионального чужака. В XIX ст. происходило взаимодействие двух великих славянских народов – русского и польского. Польские шляхтичи селились в России и интегрировались в русское общество, вслед за ними в Центральную Россию потянулись и представители других стратов польского общества. Процесс взаимодействия двух народов был сложным и противоречивым. Особую роль в восприятии поляков в России сыграла литература.

В нашей статье мы рассмотрим восприятие поляков в творчестве Федора Достоевского и Всеволода Соловьева, двух авторов, которые были наиболее читаемые во второй половине XIX ст. Специально отметим, что оба литератора придерживались славянофильского мировоззрения и имели польское происхождение. Изданная в конце 2010 г. книга Марека Ведемана «Полонофил или полонофоб? Федор Достоевский в польской словесности. 1847–1897» – интересное исследование, где представлена «польская модель творчества Достоевского». Уже в самом начале есть смысл обратить внимание на его переломный характер. До сих пор не существовало никакого труда, освещающего присутствие или отсутствие творчества Федора Достоевского в польском литературно-критическом сознании второй половины XIX в. Зато действовало молчаливое предположение, что ввиду итогов восстания 1863 г. и многочисленных мнений писателя, не слишком-то лестных по отношению к полякам, в отечественном читательском обиходе XIX ст. его творчество попросту замалчивалось (из соображений патриотизма). Многие задумывались, почему образы поляков в романах Достоевского всегда негативны. Писатель, который морально реабилитировал людей павших и даже к преступникам проявлял жалость, к полякам не чувствовал ничего, кроме презрения.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов. У Ф. М. Достоевского были польские корни, и современники, лично с ним знакомые, оставили упоминания, что выглядел он как поляк, а не как русский. По линии отца Достоевские – одна из ветвей рода Ртищевых, который берет свое начало от Аслан-Челебея-мурзы, потомка Мухаммеда, крещенного московским князем Дмитрием Донским. Ртищевы входили в ближайшее окружение князя серпуховского и боровского Ивана Васильевича, который в 1456 г., рассорившись с Василием Тёмным, уехал в Литву. Там Иван Васильевич стал князем Пинским. Степану Ртищеву он пожаловал села Калечино и Леповицу.

В 1506 г. сын Ивана Васильевича, Фёдор, пожаловал Даниле Ртищеву часть села Достоева в Пинском повете, в Восточной Польше, или той территории, которую ныне именуют крессами (в Западной Белоруссии). Отсюда и фамилия «Достоевские». Предки писателя по отцовской линии с 1577 г. получили право на использование Радвана – польского дворянского герба. Дед писателя Андрей Григорьевич Достоевский (1756 – около 1819) служил греко-католическим, а позже православным священником в селе Войтовцы близ Немирова (ныне Винницкая область Украины). Переход обедневшей шляхты в духовное сословие был обычным в регионе. Итак, из нашего обзора родословной писателя наличествует его происхождение из ведущего страта польского общества – шляхты, не утратившей и ныне в четвертой Речи Посполитой своего элитного статуса. Обычно потомки шляхетских фамилий сохраняют пиетет перед своей исторической родиной и католицизмом, но в данном случае мы наблюдаем полностью противоположную картину.

Отношение Достоевского к полякам было критическим и отрицательным; в данной статье мы рассмотрим восприятие писателем польского народа и выскажем свои соображения по поводу причин его негативизма. Для Достоевского поляки как славянский народ, ближайший к западной цивилизации, несут все ее грехи и являются преградой, стоящей на пути к единству славян. Поляки-католики для него – враги православной России.

Хотя Достоевский был настроен антипольски, он хорошо знал польскую литературу, в частности поэзию Адама Мицкевича.

Итак, первым опытом проникнуть в польский комплекс Достоевского была известная работа Ежи Стемповского «Поляки в романах Достоевского» [1]. Эта статья одновременно показала, насколько трудно и небезопасно вникать в мир Достоевского, даже помятуя о специфике его мировоззрения.

Стемповский, «не вполне знавший биографические материалы, пришел к выводу, что конфликт между Достоевским и поляками – это скорее домысел, лишенный реальных оснований. Иначе, пишет он, мы нашли бы следы этого конфликта в “Записках из Мертвого дома”. Поглядев на “Записки” поверхностно, не вникнув во взгляды писателя, Стемповский выдвинул рискованный, но вместе с тем привлекательный тезис, согласно которому истоки двусмысленного изображения поляков лежат в глубоких, как мы сказали бы сегодня, экзистенциальных основах его произведений. Достоевского, доказывал Стемповский, интересуется мир людей проклятых, без надежды на спасение, и потому живущих бунтом. Поляки же не были прокляты, ибо обладали глубокой верой в правоту национального дела, они были мучениками этой веры, то есть жили в мире надежды. Поэтому, заключает Стемповский, чем больше муки поляков делали их подобными русским, тем отчетливей они выглядели фальшивыми героями. Поэтому понятие “поляка” ассоциируется у Достоевского с фальшью» [2, с. 35].

Федор Михайлович реально познакомилися с поляками только на каторге, и об этом пишет совершенно объективно, так как в Петербурге он имел немало возможностей узнать поляков. Кроме того, в Европе о поляках писали газеты, информация эта доходила до интеллигенции и была не всегда хвалебной.

Почему же Достоевский заинтересовался поляками не сразу по окончании училища, а куда позже, когда делил с ними не школьные парты, а каторжные нары? Первоначальное молчание и позднейшие памфлеты на поляков явно указывают на особую роль, которую в формировании антипатии Достоевского сыграл его сибирский период. Поэтому следует проследить этот период внимательней, нежели это сделал пан Стемповский.

В годы каторги Достоевский встретил польских политических узников. Будучи русским националистом, он ненавидел поляков, которых считал предателями славянства, восточным форпостом враждебной латинской цивилизации. В его романах поляки – всегда подозрительные особы, хитрецы и мошенники. Однако есть одно исключение – «Записки из мертвого дома», где Достоевский пишет о поляках со всем уважением, восхищается их несгибаемостью, хотя при этом и упрекает их в аристократической «безучастности» и непонимании «души русского народа».

Любопытно, что и Достоевский в своих рассуждениях о Мертвом доме, о том, как трудно там было образованным, раз за разом именно поляков как людей высокой культуры сталкивает с диким народом. «...В казармах наших была еще целая кучка поляков, составлявшая совершенно отдельную семью, почти не сообщавшуюся с прочими арестантами. Я сказал уже, что за свою исключительность, за свою ненависть к каторжным русским они были в свою очередь всеми ненавидимы. Это были натуры измученные, больные; их было человек шесть. Некоторые из них были люди образованные <...> Простолюдин, идущий в каторгу, приходит в свое общество, даже, может быть, еще в более развитое. Он потерял, конечно, много – родину, семью, всё, но среда его остается та же... Человек образованный, подвергающийся по законам одинаковому наказанию с простолюдином, теряет часто несравненно больше его. Он должен задавить в себе все свои потребности, все привычки; перейти в среду для него недостаточную, должен приучиться дышать не тем воздухом... Это – рыба, вытщенная из воды на песок... И часто для всех одинаковое по закону наказание обращается для него вдесятеро мучительнейшее. Это истина... даже если б дело касалось одних материальных привычек, которыми надо пожертвовать» [3, с. 54–55].

Рассказчик возвращается в казарму, где в полубреду вспоминает ладанный облик мужика Марей, утешившего барского дитя, и заключает: «Я пошел, вглядываясь в встречавшиеся лица. Этот обритый и шельмованный мужик, с клеймами на лице и хмельной, орущий свою пьяную сиплую песню, ведь это тоже, может быть, тот же самый Марей: ведь я же не могу заглянуть в его сердце. Встретил я в тот же вечер еще раз и М-цкого. Несчастный! У него-то уж не могло быть воспоминаний ни об каких Марейях и никакого другого взгляда на этих людей, кроме “Je hais ces brigands!” Нет, эти поляки вынесли тогда больше нашего!» [3, с. 49–50].

Кроме решающего у Достоевского идейного антагонизма был и другой источник недружелюбия и обид по отношению к польским каторжникам. Как вспоминают многие современники, Достоевский был деспотичен и задирист. Поляки прекратили с ним общение. Это происходило тогда, когда Достоевский страдал от полной изоляции (далеким отголоском этого стал каторжный опыт Раскольникова), потому что как дворянин не мог вступать в дружеские отношения с уголовниками, а со своим товарищем по кружку Петрашевского Дуровым вообще не разговаривал.

Высокомерный и грубый, он довел нас до того, что мы не хотели с ним разговаривать, – писал о нем Шимон Тока(р)жевский в книге «Семь лет каторги» [4], отбывавший каторгу вместе с ним. Более того, по описанию, приведенному ссылкой на поляком, Ф. М. Достоевский являлся бывшим заговорщиком и мелким интриганом.

Об этом одиночестве пишет в «Записках» сам Достоевский, подтверждают это и другие очевидцы пребывания писателя на каторге. Каторжные не любили его, они глядели на него и молча уединялись. Таким образом, было немало причин неприязненно относиться к полякам, участникам заговоров и войн против царской России. Можно вспомнить, что враждебное отношение к Тургеневу возникло на схожей основе. Достоевский возненавидел Тургенева как ведущего представителя западничества, а вдобавок не мог простить ему личного оскорбления.

Следует специально отметить, что для поляков Достоевский (несмотря на его польскую кровь) был прежде всего москалем, который поляков называл не иначе как полячишками. В Петербурге

писатель наблюдал не элиту польского народа, ни его интеллигенцию, а маргиналов, поэтому его обобщение (подхваченное, кстати говоря, и современными российскими шовинистствующими неославянофилами) не верно по сути, так же следует счесть неверным и обобщение относительно русских, если бы наблюдатель судил бы о них только по футбольным фанатам, агрессивным контркультурам или криминальным бандам. Известная сцена из «Братьев Карамазовых», когда поляки появляются в своих характерных позах, полных гордости и собственного достоинства, и тут же оказываются мошенниками, шулерами, а один из них готов за деньги уступить свою любовницу. Так автор показал маргинализованную часть польского народа, укрепляя позиции русского антипольского мифа. Ф. М. Достоевский также не мог терпеть немцев, относился к ним пренебрежительно, французов неизменно именовал французиками, собственно, критиковал всех, за исключением англичан.

Поляки у Достоевского созданы из двух противопоставленных друг другу частей. Одна из них состоит из обидчивого самолюбия и гордости, несколько формальной патриотической печали, мистической веры в свои достоинства и привязанности к торжественным формам жизни; вторая – из ловкости воришек, использующих любой случай, из полного отсутствия угрызений совести и достоинства. Эти две группы черт, которые, казалось бы, невозможно согласовать в одном характере, словно объясняются отсутствием чувства реальности, самокритичности и способности вникнуть в чувства других людей.

В романах Достоевского поляки – это обычно фальшивые графы (за границей) и столь же фальшивые страдальцы (за границей и у себя). Творения автора «Идиота» в целом не так реалистичны, как произведения Чехова или Толстого, они не дают настоящего образа России, но содержат фрагменты и образы единственные в своем роде, потрясающие своей правдой. К ним относятся описания, которые кажутся полякам карикатурой.

Младший друг писателя и наследник некоторых его идей и образов, беллетрист Всеволод Сергеевич Соловьев (1849–1903) по материнской линии происходил из шляхетского рода Бжеских. Представителей польского народа, исповедующих католицизм, он изобразил в трех романах «Княжна Острожская», «Старый дом» и «Изгнанник».

О том, что Всеволод Соловьев при создании романа «Княжна Острожская»¹ детально изучил различные исторические материалы², свидетельствуют следующие его отступления. По мнению

¹ Во время празднества по случаю дня ангела Константина Острожского (т. е. литургической памяти святого равноапостольного императора Константина и его матери, царицы Елены) летом 1553 г. молодой князь Дмитрий Сангушко впервые встретил и сразу же полюбил племянницу владельца замка, княжну Гелену (Гальшку) Острожскую, которая ответила ему взаимным чувством. Хотя князь Константин и намерен выдать Гальшку за Сангушко, мать невесты резко была настроена против этого брака. По совету своего духовника – иезуита Антонио, тайно влюбленного в ее дочь, она обратилась за помощью к королю Речи Посполитой. Влюбленные тайно покидают замок и венчаются (писатель не датировал в романе это событие; по данным исторических источников, оно произошло в 1553 г.). А тем временем княгиня Беата добилась от своего сводного брата-короля специального декрета, по которому ее будущий зять был объявлен вне закона. Через несколько дней их настигают преследователи. Княгиню Гальшку насильно водворяют в дом ее матери, которая упорно добивается от нее перехода в католичество. В это время князь Дмитрий, потеряв память, живет из милости в доме зажиточного полесского крестьянина. И лишь через два года Сангушко возвращается в замок Константина Острожского, который добивается от своего безвольного монарха отмены декрета и выдачи своей племянницы ее законному супругу. Княгиня Беата, не добившись от дочери добровольного согласия на смену конфессиональной принадлежности, с помощью своего духовника готовит насильственный постриг дочери в иезуитском монастыре. Имея с собой королевскую грамоту, князь Константин освобождает княжну Гальшку, которая с радостью встречается с «воскресшим» супругом. На этом событии заканчивается изложение истории. После финальной сцены следует послесловие, в котором писатель кратко повествует о судьбе православной церкви на Украине.

² Первая часть романа, в которой изображена деятельность князя Константина Острожского и описан его родовой замок, имеет строгую документальную основу, объем и задачи данной статьи не позволят нам подробно раскрыть этот аспект. Мы уже писали об этом в наших статьях: 1) Роман «Княжна Острожская-первый опыт Всеволода Соловьева в области исторической прозы (Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Серия : Филология и искусствоведение. – 2010. – № 3. – С. 42–49); 2) Події польської історії в романі Всеволода Соловйова «Княжна Острозька» (Наук. вісн. Волин. нац. ун-ту. Сер. : Літературознавство». – 2010. – № 3. – С. 51–59) 3) Княгиня Елена (Елизавета) Острожская в истории и творчестве Всеволода Соловьева (Вестн. Северо-Осетин. гос. ун-та им. Коста Хетагурова. – 2012. – № 2. – С. 346–350); 4) Религиозно-философская проблематика романа Всеволода Соловьева «Княжна Острожская» (Вестн. ННГУ. – 2012. – № 1. – С. 309–316); 5) Миф об иезуитах в исторической и социально-психологической прозе Всеволода Соловьева (Вестн. Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 210–215.

писателя, в правлении Сигизмунда-Августа, «...оказалось полнейшее внутреннее расстройство. Знаменитый князь Курбский записал о тогдашних польских вельможах и короле такие строки: “Здесь король думает не о том, как бы воевать с неверными, а только о плясках да о маскарадах. Также и вельможи знают только пить да есть сладко, пьяные они очень храбры: берут и Москву, и Константинополь. И если бы даже на небо забился турка, то и оттуда готовы его снять. А когда лягут на постели между толстыми перилами, то едва к полудню проспятся, встанут чуть живы, с головной болью. Вельможи и княжата так робки и истомлены, что, услышав варварское нахождение, забьются в претвердые города и, вооружившись, надев доспехи, сядут за стол за кубки и болтают со своими пьяными бабами. Из ворот же городских ни на шаг. А если выступят в поход, то идут издалека за врагом, и походивши дня два или три, возвращаются домой, и что бедные жители успели спасти от татар в лесах – какое-нибудь имение или скот – все поедят и последнее разграбят...”» [5, с. 80].

В данном описании в максимально негативном плане представлены поляки, пропагандируются мифологемы о якобы свойственных им трусости и бахвальстве. В целом характеристика польского государства, его дворянства, короля и религии носит сугубо отрицательный характер. Все персонажи, не исповедующие православие и относящиеся к польскому народу, являются отрицательными. Мы находим в них лишь самые незначительные позитивные черты, Например, у княгини Беаты – ее искренность и любовь к дочери, но и эти свойства ее личности корежатся под давлением иступленного фанатизма. Отец Антонио, иезуит, обладает развитой волей, мудростью, пастырским и миссионерским опытом; служанка Зося проявляет верность своей госпоже и большую практическую сметку. Но все их достоинства тонут в «болоте» строго католической религиозности и верности Римской церкви и интересам Речи Посполитой.

В романах Вс. Соловьёва «Старый дом» и «Изгнанник» появляется сугубо отрицательный герой-поляк, граф Казимир Щапский, представленный в нарочито мифологическом ключе. Стоит специально отметить, что Щапский воспитывался иезуитами, он «...не знал ни отца, ни матери. Они умерли, когда он был ещё ребёнком. Он вырос и воспитался в руках иезуитов, и они подготовили в нём деятеля по своему вкусу. Они не раз потом употребляли для своих целей и почти всегда удачно. Конечно, в природе его были уже известные задатки, но школа тщательно развила эти задатки. Он вступил в жизнь ещё неопытный, ещё ничего не испытывший, но заранее приученный презирать людей, глядеть на них как на живой материал построения разных хитрых комбинаций», как на одно из средств к достижению земных благ» [6, с. 59].

В «Старом доме» мы наблюдаем начало распада, некогда дружной и сплоченной, семьи Горбатовых. Развал семьи происходит постепенно. Его начало связано с изменой. «На любовном фронте жены бесшабашного и высокомерного Владимира Горбатова возникает зловещая фигура. Соловьёв в худших традициях Карамзина, Зотова и Лажечникова высвечивает отъявленного подлеца Щапского, любовника Катерины Михайловны. Этот Щапский вмещает в себя все, что должно быть противоположно истинно русскому человеку. Как карамзинский Эраст, он оболститель и беглец с места преступления. Как Стабровский («Внучка панцирного боярина» И. И. Лажечникова), этот подлец двуличный поляк, ну, а раз уж поляк, то, разумеется, иезуит» [7, с. 38].

В этом образе собраны все мифы о поляках, бытовавшие среди русских обывателей в середине и конце XIX ст. У героя типично польское имя, он – ревностный католик, иезуит (хотя у этой монашеской и, по преимуществу, священнической конгрегации не было мирянского субордина), к тому же он – тайный заговорщик, подготавливающий восстание 1831–1832 гг. Но этого мало писателю: коварный лях понуждает Екатерину Горбатову тайно принять католичество, а потом соблазненная им дама рождает незаконного ребенка. Позже (эти события описаны в романе «Изгнанник») Казимир шантажирует собственного сына, а людей воспринимает как материал для своих интриг.

Большого количества мифологем об ином этносе в одном персонаже в русской классической литературе, пожалуй, обнаружить еще где-нибудь сложно.

Итак, рассмотрев образы поляков в творчестве обоих писателей, мы отмечаем сугубо предвзятую и отрицательную их трактовку. Однако стоит сделать оговорку, если Ф. М. Достоевский видел и отмечал в поляках некоторые положительные черты (твердость духа, аристократизм, верность убеждениям), то Всеволод Соловьёв оценивал поляков по-преимуществу сугубо отрицательно. Эту разницу можно объяснить тем, что взор Достоевского как классика шире и полнокровнее, чем взор Соловьёва-беллетриста. Как известно, беллетристика, принимая идеи и образы из классики, конкретизи-

зирует их и опрощает. Именно такой подход мы могли наблюдать и в романах Вс. Соловьева, более расположенного к идеологии, нежели к антропологии.

Причинами, согласно которым в творчестве обоих писателей появились негативные образы поляков, стало, во-первых, следование авторов имперским мифологем, трактовавшим Польшу как мятежную провинцию, а католичество как главного врага святой Руси, соответственно, как самую зловредную ересь. Во-вторых, в силу действия социального конформизма писатели, по-видимому, желали скрыть свое польское происхождение. В-третьих, мы считаем, что на формирование негативной оценки поляков повлиял выявленный в классическом психоанализе механизм проекции. Под этим явлением подразумевается невротический механизм, посредством которого человек, имея дело с другими людьми (или, шире говоря, с другими народами), накладывает на них, как на экран, какие-то свои представления, особенности, потребности, которые этим людям (или этим предметам) не свойственные.

В таких ситуациях индивид, не осознавая что-либо в себе самом, может бессознательно достаточно точно «отслеживать» это в других людях. Проекция основывается на том, что личность бессознательно приписывает другим людям качества, которые присущи самому проецирующему и которые он не хочет иметь, не хочет осознавать. Например, человек с гомосексуальными чертами, не осознавая их в себе, замечает мельчайшие их оттенки в других людях. Человек, озабоченный желанием стать самым значимым и авторитетным членом группы, наделяет такими же мотивами своего коллегу, бессознательно начинает видеть в нем соперника, конкурента и соответственно с этим строит свои взаимоотношения, трактуя их с позиции самообороны. И неслучайно, что обычно самые яркие и активные антисемиты – сами евреи, гомофобы – геи и так далее, русофобы – сами русские. То есть проекция становится своего рода самозащитой.

Психоаналитик К. Хорни отмечала, что по тому, как человек ругает другого, можно понять, что он из себя представляет. Выше мы приводили свидетельство однокамерника Ф. М. Достоевского, пана Токажевского, который отмечал замкнутость, склонность к мелким интригам, грубость и надменность писателя, то есть те черты, которые он впоследствии спроецировал на весь польский народ.

Механизм проекции позволяет оправдывать собственные поступки. Например, несправедливая критика и жестокость по отношению к другим. В этом случае такой человек бессознательно приписывает окружающим жестокость и нечестность, а раз окружающие такие, то в его представлении становится оправданным и его подобное отношение к ним.

Конечно, проекция дает определенное удобство человеку, освобождает его от неприятных переживаний. Ведь гораздо спокойнее считать виновником всех своих неудач кого-то другого, чем признать не слишком лестные свойства характера в себе самом. Кроме того, всегда существует соблазн переложить ответственность за свои неприятности на кого-нибудь другого. Отсюда и миф о кознях злых иезуитов и поляках-заговорщиках в романах Всеволода Соловьева.

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. Выявленные нами характеристики польского народа в творчестве Федора Достоевского и Всеволода Соловьева в дальнейшем могут послужить для составления более целостной имагологической типологии и для выявления динамики рецепции поляков в русской и украинской литературах, а также изучения того, как межнациональные и межконфессиональные взаимоотношения отображались в художественной словесности. Проанализированные нами психоаналитические механизмы помогут вскрыть глубинные причины негативных оценок и способствовать их преодолению.

Источники и литература

1. Стемповский Е. Поляки в романах Достоевского / Е. Стемповский // Новая Польша. – 2000. – № 7–8. – С. 54–67.
2. Жакевич Збигнев. Поляки у Достоевского / Збигнев Жакевич // Новая Польша. – 2006. – № 5. – С. 35–40.
3. Достоевский Ф. М. Записки из мертвого дома // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. Т. 3 / Ф. М. Достоевский. – М. : [б. и.], 1988. – 45 с.
4. Токажевский С. Семь лет каторги / С. Токажевский ; отрывки и излож. В. Храчевича // Рус. старина. – 1910. – Т. 141, № 2. – С. 367–376 ; № 3. – С. 605–621.
5. Соловьёв Вс. Княжна Острожская / Вс. Соловьёв. – М. : [б. и.], 1994. – 380 с.
6. Соловьёв Вс. Изгнанник : хроника четырёх поколений / Вс. Соловьёв. – М. : [б. и.], 1992. – 430 с.
7. Майоров М. В. Литературное родословие / М. В. Майоров. – Тула : [б. и.], 2007. – 245 с.

Нікольський Є. Зображення представників польського народу у творчості Федора Достоєвського і Всеволода Соловйова. У статті розглянуто авторське бачення Всеволодом Соловйовим і Федором Достоєвським польського народу. Особливу увагу до реєстрації іншого слов'янського етносу зумовлено їх польським корінням. Обидва письменники були нащадками шляхетських сімей, але зазвичай нащадки шляхти зберігають пієтет перед своєю історичною батьківщиною та католицизмом. У випадку з Ф. М. Достоєвським і Вс. Соловйовим ми простежуємо протилежну картину: у їх спадщині поляки та католики отримували стійку негативну характеристику, причину якої, на думку автора статті, можна виявити в прийнятті обома письменниками імперських міфологем, а також у дії психоаналітичного механізму проєкції. Під час порівняння романів обох авторів зроблено висновок, що Ф. М. Достоєвський як класик, на відміну від белетриста Вс. Соловйова, не проявляв однозначної негативної оцінки польського народу.

Ключові слова: класика, белетристика, польський народ, католицизм, имагологія, імперські міфологеми, механізм проєкції.

Nikolskij Ye. The Image of the Representatives of the Polish Nation in the Works of Fyodor Dostoyevsky and Vsevolod Solovyov. In the article the author's vision of Vsevolod Solovyov and Fedor Dostoevsky of the Polish people. Special attention to the reception of other Slavic ethnic group due to their Polish roots. Both writers were the descendants of the gentry names, but usually the descendants of the gentry maintain piety before their historical homeland and Catholicism. In the case of the F. M. Dostoevsky and the Ws. S. Soloviev we see the opposite picture: in their heritage, poles and Catholics received strong negative characteristic. The reason for which, in the opinion of the author of the article, can be found in the adoption of both writers Imperial myths, as well as in action psychoanalytic projection mechanism. When comparing the novels of both authors concluded that Dostoevsky as a classic, unlike belletrist Ws. S. Soloviev did not show a purely clearly negative assessment of the Polish people.

Key words: classics, fiction, Polish people, Catholicism, imagology, Imperial mythology, the mechanism of projection.

Стаття поступила в редакцію
13.02.2013 г.

УДК 821.162.1.09

Луїза Оляндер

Проблема міжслов'янських літературних зв'язків

Проаналізовано основні підходи в дослідженнях міжслов'янських зв'язків у сучасному літературознавстві, схарактеризовано різноманітні їх прояви в літературному процесі. Показано особливий характер зв'язків між творчістю Б. Пастернака і Я. Івашкевича. Визначено роль Ф. Шопена в художній системі обох письменників. Порушено проблему *свій/чужий* у контексті міжлітературних зв'язків, позначено типи визнання інонаціонального письменника *своїм*. Приділено значну увагу тим зв'язкам, які виникають у реєстрації під час зіставлення творів письменників, котрі належать до різних національних літератур.

Ключові слова: літературні зв'язки: генетичні, контактні та типологічні, літературний процес, ментальність, національна специфіка, реєстрація, інонаціональна культура, інтертекст, свій, чужий.

Постановка наукової проблеми та її значення. Проблема літературних зв'язків, незважаючи на велику кількість присвячених їй досліджень, і сьогодні актуальна й потребує подальшого вивчення в багатьох аспектах. У літературознавстві більше уваги приділено генетичним, контактним або типологічним зв'язкам. Грунтовні праці класичного літературознавства – О. Веселовського, В. Жирмунського, М. Бахтіна, І. Франка, Б. Бялокозовича та інших учених – дають можливість докладніше розглянути надзвичайно розгалужену мережу різноманітних міжлітературних зв'язків, де кожна гілка відзначається своєю специфікою.

Мета статті полягає в тому, щоб схарактеризувати ті зв'язки між слов'янськими літературами, які сьогодні все ще перебувають або на маргінесах теорії літератури та історії літератури, або мають дискусійний характер.

Виклад основного матеріалу й обґрунтування отриманих результатів дослідження. Великої уваги дослідників потребує спорідненість певних художніх світів письменників, у тому числі й відда-